

БОДР, СВЕЖ И ТРЕЗВ,

Веловей вторник : прил. к газ. Вольная Кубань. - 1999 - 23 февр. - с. 4.

КАК ПОСЛЕ «ЦИРЮЛЬНИКА»

НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ МИХАЛКОВ ПРЕДСТАВИЛ СВОЙ НОВЫЙ ПРОЕКТ

- Никита Сергеевич, фильм предстоит мировая премьера. Что это такое?

- Мировая премьера означает, что картина будет показана на международной аудитории, но для меня было принципиально важно провести эту премьеру в Москве. Она могла бы состояться в Париже, в Лондоне, в Токио или Мадриде. Но я настолько убеждал моих партнеров, что она должна быть в Москве. Именно в Москве, и именно сейчас. Я думаю, что это имеет значение не только для меня лично, для нашей команды и для нашей студии, но, надеюсь, это имеет значение и для всего нашего кинематографа...

- Можете ли вы в нескольких фразах рассказать о том, чему посвящена картина?

- Самая легкая и в то же время самая неблагоприятная задача - пытаться рассказать о том, о чем ты снимал фильм. Скажу одно... Картина эта в большей степени не только и не столько о том, как было в нашей стране в ту пору, о которой рассказывает фильм, то есть в 1885 году, но и о том, как должно быть в нашей стране в будущем, имея в виду достоинства, масштаб, широту и самодостаточность людей, ее развивающих.

- Вы сами играете в «Сибирском цирюльнике» императора Александра III - какова суть этого характера?

- Александр III - один из тех императоров, которые незаслуженно забыты. Вы знаете, что в годы его царствования в России не было ни одной войны? Я обратился к этому периоду русской истории, чтобы показать важность и продуктивность эволюции в нашем обществе. Насколько она важнее, чем очередная революция. Надо осознать: меняя президента, мы не должны менять строй (а мы стоим все время на грани смены строя).

Смена строя в такой стране, как Россия, - это всегда война. Но если война 1918 года - кровопролитная гражданская, жестокая по своей сути - происходила на территории, где мчались танки и стреляла Анка-пулеметчица, а аэропланы едва-едва отрывались от земли, то сегодня это будет война в стране, перенасыщенной ядерным оружием. Это катастрофа. Конец света. Другого слова я не подбираю.

Поэтому, если горячие головы не поймут, что эволюционный процесс - это единственно возможный процесс для России, если они не поймут, что преосвященный консерватизм намного важнее для страны, чем остальные «измы», случаются войны. Что нас тогда ждет - лучше и не говорить.

- Можете ли способствовать ваш фильм созданию нашей национальной идеи?

- Прошедшим летом в Париже я был на стадионе во время матча Бразилия - Франция. Больше потрясения я давно не испытывал. Какое единство нации, когда президент Франции, забыв, что он - президент, размахивал шорфом цвета национального флага, прыгал и обнимался с посторонними людьми, когда страна дышала в унисон и была по-настоящему счастлива одним счастьем. Хотя речь идет вроде всего-навсего о футболе, казалось бы! Это же не победа в войне...

Вот когда для нас такие победы - футбольные ли, кинематографические ли - станут национальной гордостью и радостью, мы сможем всерьез задуматься о том, что такое наша национальная идея.

А если углубимся... Ответ надо искать не в вопросе «как жить?». Для России есть вопрос более важный, более фундаментальный - «зачем жить?». Вот где надо искать идею.

- Сейчас наш кинематограф как никогда, может быть, нуждается в появлении на экране положительного героя - к чему мы в последнее время относились с бессмысленным пренебрежением. Каким этот герой должен быть в вашем разумении?

- Сегодняшний герой - человек, который не меняет своих убеждений, который при этом нашел свое место в жизни. Тот, кто не коректит свою душу. Я имею в виду людей, которые самодостаточны в своей стране... Которые сумели стать ответственными за людей, тех, с которыми работают. Сумели найти возможность кормить тех, кто с ними на общее дело трудится, тем самым создавая вокруг себя атмосферу, в которой можно жить. Сегодня нужен герой, помогающий выживать другим людям.

Я неоднократно приводил в пример итальянский неореализм. Нищая страна Италия. Униженная проигравшей в войне. Не имеющая ни мощной промышленности, ни сырья, ни индустрии... Ничего, кроме оспоминаний о своих великих предках.

Но в Италии появилось кино, которое помогло этой стране стать той, какой она сегодня стала. Я убежден, что у нас тоже есть силы и возможности помочь своему народу выжить в нынешней ситуации. Но для этого нужно, чтобы в кинематографической среде люди понимали, что не-

пурным цветом и светом. Приземлился недалеко от той самой колонии. Поселился в пригнанный для него вагончике. Один день снимался, не представляя, что его ждет и что он играет. Потом снова сел в вертолет и через два дня был на Багамах.

залах. До этого мы с Павлом Лебедевым ставили свет, мучились над изображением. Художники строили декорации, Александр Адабашьян подбирал колеры. Художники по костюмам доставали ткани... А потом в результате в кинотеатре видишь рыжую копию с ужасающим звуком, ко-

В списке предлагаемых работ в публикации журнала «Верайти» на первое место была поставлена наша студия «ТРИТЭ», а на второе место «Мосфильм». За десять лет существования «ТРИТЭ» один я принял участие в двадцати полнометражных картинах, и более тридцати картин мы сделали, оказав помощь девяти крупным американским проектам, в их числе «Русский дом», «Святой» и т.д. Ни у одного из тех, кто к нам приезжал, ни у одной компании - а это мощные компании, - ни у кого из них не было нареканий на работу наших людей.

С первого дня я сказал на студии: «Ребята, вы - счастливые люди. Вы делаете свое дело, и за это получаете неплохую зарплату. А самое главное - не бойтесь, что к вам ночью придут стучаться в двери, в отличие от многих, кто сидит в парках. Хотите - пойдем вместе. Нет - двери открыты. Обратного пути не будет. Никогда. Вот наши принципы. Любая студия, кинематограф - это модель страны, в которой они существуют.

Что касается полученной нами государственной поддержки, то мы должны вернуть определенный процент после проката фильма. Остальное пойдет на развитие нашего кинематографа.

- Много ли времени понадобится, чтобы вернуть эти средства?

- Нам необходим налаженный прокат, который этим будет заниматься. Но это вопрос не одного дня. Надеюсь, что картина окажется, что называется, «долгоиграющей». Надеюсь, что параллельно с показом мы будем объяснять людям в регионах, что лучше посмотреть фильм на хорошем экране и с хорошим звуком, и, таким образом, как бы оттолкнемся в сторону восстановления национального проката.

- Что чувствует режиссер после завершения столь мощной картины?

- Чувствует абсолютное опустошение и ужас от того, что ему не надо утром идти на работу.

У меня есть несколько идей... Я подумал, что моя дочь, которой сегодня двенадцать лет, о нашей великой войне будет знать только по картине Спилберга «Спасти рядового Райана». Там в основе потрясающая идея, похожая на легенду. Все армейское командование Соединенных Штатов при высадке во Францию в 1944 году тревожится о том, чтобы не погиб сын женщины, уже потерявшей на войне остальных своих детей. Это идеология. Это работа на имидж своего государства и своего героя... На имидж государства, которое как бы никогда не оставляет в беде ни одного своего гражданина. Так это или нет - не нам судить. Но я бы очень хотел, чтобы мое государство хотело бы принять эту идею.

Я очень хочу снять фильм о нашей войне, чтобы и ней знали сегодняшние дети и моя дочь не только по картине Стивена Спилберга.

- Стало быть, вы верите, что наш кинематограф не погибнет, собираясь ставить новый фильм?

- Мы сегодня переживаем этап... попытку оттолкнуться ото дна. Но пока еще идем ко дну, уже немного осталось. Скоро его ощутим, и тогда двинемся наверх, на поверхность.

Действительно, разрушен кинопрокат. В кинотеатрах продают мебель и автомобили. Фильмы, которые недавно еще горячие головы начали снимать быстро-быстро, потому что пришла свобода, где они? Их режиссеры напоминают детей, которых заперли в шоколадной лавке и сказали: «Ешьте сколько влезет». Они наелись, а их не выпускают. А, кроме шоколада, больше ничего нет...

Сегодня зрители не хотят смотреть про себя такие фильмы. Поэтому они с огромным интересом и рвением смотрят любые картины образца 60-х и 70-х. Ибо в них - вне зависимости от их идеологической ангажированности - существует достоинство и какая-то надежда.

Когда человек приходит в кино и платит свои деньги, когда он приходит с женой, дочерью, сыном и, глядя на экран, не знает, то ли ему затыкать жене уши, то ли закрывать сыну и дочке глаза, - есть ли шанс у такого кинематографа и в такой стране, как наша?

Я не призываю к цензуре или ко лжи. Я говорю только о человеческом достоинстве. Если вы хотите, чтобы ваше кино приносило деньги, чтобы прокат был восстановлен, посмотрите людям в глаза и поймите, что они хотели бы видеть? Чтобы они не уходили из кинотеатра с ощущением, что ты живешь в чудовищной стране и сам ты ничтожество.

Беседу вел
Эльга ЛЫНДИНН.

обязательно красть и думать, что все остальные вокруг тоже будут этим заниматься. Не обязательно предполагать, что чужое поражение - это ближайший путь к собственной победе. Но для этого нужны время и достоинство, которых нам не хватает.

- В вашем фильме снимались известные зарубежные актеры - Джулия Ормонд, Ричард Харрис, Даниэль Ольбрыхский...

- Я знаю не понаслышке, что такое звезды. И для меня была серьезным испытанием сама мысль о работе с ними. Пока я с ними не познакомился.

Джулия Ормонд - одна из самых талантливых актрис, с которыми мне приходилось работать. Уникальные способности создания образа, причем по самой настоящей школе Станиславского и Михаила Чехова. И то, что молодая актриса, хотя она уже почти звезда, согласилась с нами работать и провести двадцать шесть недель в России, в России сегодняшней, говорит о том, что, во-первых, она - настоящий художник, во-вторых, человек, который верит людям. Я обещал ей, что она не пожалеет, если даст согласие сниматься. Надеюсь, что при всех сложностях, которые были в работе, она об этом теперь не жалеет.

Ричард Харрис - великий театральный артист. Мне было с ним чрезвычайно интересно, я многому у него учился...

Первые съемки с участием Ричарда Харриса происходили на станции Малая Тунгуска, вблизи действующей женской колонии. Туда можно добраться только вертолетом, лететь от Красноярска почти четыре часа. До этого Харрис закончил сниматься в Будапеште, приехал в Лондон и отправился отдохнуть на Багамах. Оттуда летел к нам. Таким образом... прилетел с Багам в Лондон, в тот же день вылетел в Москву. Разница во времени - три часа. В Москве был в десять утра, в Лондоне еще семь. Прямо из одного аэропорта его привезли в другой, на самолет в Красноярск. Разница во времени еще четыре часа. Прилетев в Красноярск, он, кажется, уже вообще не понимал, где находится. Переночевал в гостинице, названная которой не помню... Утром его посадили на вертолет, и он очутился над бесконечной тайгой, залитой пур-

Думаю, что все это стало стимулом у Харриса для продолжения съемок, потому что он хотел понять, что он играет...

Потом, уже в Москве и в Праге, мы очень много с ним общались и мечтали, как, Бог даст, может быть, поставим «Короля Лира» в его исполнении.

- Трудно ли было играть молодым артистам, участвующим в вашем фильме, играть русских юнкеров прошлого века?

- У всех почему-то складывается ощущение, что трудно. Нет. Сегодня это легче, чем пятнадцать лет назад, как ни странно. Притом, что пресса и телевидение бесконечно говорят о катастрофе, о том, что мы «сидим на игле»... Перед сном нам показывают «Дежурную часть», а утром рассказывают, что в таком-то подъезде был убит такой-то тремя выстрелами в голову... Бесконечно толкуют о деградации... Но это не так. Могу это засвидетельствовать как человек, который много ездит по стране. Как человек, работавший с молодыми актерами. Три с половиной месяца мои ребята в Костроме проходили курс по Юнкерскому Уставу 1885 года. Жили в казарме - все, включая Владимира Ильина и Олега Меньшикова. Ходили в костюмах юнкеров, носили белье из батиста, какое носили тогда юнкера. Начали утро с посещения храма. Потом фехтовали, учились «подходу к ручке», занимались иностранными языками и т.д. С охотой все это делали.

В Костроме той же, в 28 градусов мороза, где не платили людям зарплату, я пришел в Филармонию на концерт средневековой музыки камерного оркестра под управлением Татьяны Гринденко. И не было в зале ни одного свободного места. А тогда людей никто не заставлял идти, не гнал полкой, не БАМ строили по решению партии и правительства. Это было внутреннее желание людей. А если такая тяга существует, страна жива.

- А как увидит та же Кострома и вообще российская провинция ваш фильм?

- «Сибирский цирюльник» может быть показан зрителям только в том виде, в каком он сделан. Помню ощущение унижения, когда приходилось смотреть свою картину в нынешних кино-

гда не остается ничего, кроме сюжета, который можно понять кое-как.

Мы хотим показывать «Сибирского цирюльника» на нашей аппаратуре, со своим оборудованием, со своим экраном и проектором. Мы хотим, чтобы люди увидели нашу картину такой, какой она сделана, хватит унижать зрителей. Думаю, что в этом отношении нам поможет Газпром, который претендует на покупку лицензии на прокат фильма по всей стране.

За рубежом прокат фильма принадлежит нашим партнерам, которые вложили большую часть денег в создание картины. От этого нигде не уйти.

- Были вложены и российские деньги. Это ссуда? Вы должны вернуть их?

- Эти деньги - государственная помощь кинематографу - по закону. Мы имеем сертификат о том, что «Сибирский цирюльник» - национальный фильм. Полученные нами деньги взяты не у Госкино. Конкретно на наш проект они даны правительством. Но Госкино принимало активное участие в производстве фильма, за что я очень благодарен тогдашнему председателю Госкино господину Медведеву. Он нас поддержал...

- Почему вам так активно пошли навстречу?

- Говорят: «Полжизни работаешь на имя, полжизни имя работает потом на тебя». Когда я беру деньги у государства, я гарантирую государству, что все, что я получил, пойдет на то, для чего их взял.

Все, что мы взяли у государства, видно на экране. Мы живем по принципу: сначала делай дело, а потом уже, если что-то осталось, на это будет жить студия и все остальное. Причем сначала будут накормлены те, кто работает вокруг тебя, уж потом генералы, что называется. Это единственно приемлемый для меня принцип хозяйствования.

В нашей прессе много писали о том, известна ли вообще наша студия «ТРИТЭ»? Для справки. В журнале «Верайти», одном из самых популярных кинематографических журналов, был задан вопрос американским кинематографистам: с кем в России можно иметь дело, где не обманывают и умеют работать?